

Анатолий Иванов

Радуга

Кажется, на земле ничего уже не осталось, кроме воды. Даже воздух стал таким густым и тяжелым, что трудно было дышать.

А дождь лил и лил вторые сутки подряд. Упругие струи бешено хлестали по жидкой коричневой грязи, под которой теперь трудно было угадать дорогу, по красной железной крыше библиотеки, с резким звуком разбивались об оконные стекла.

Женя целый час стояла у окна, хотя сквозь мокрые стекла ничего не было видно. Рядом на столике лежала небольшая стопка книг и газет, завернутая в прозрачный целлофан и крепко перевязанная шпагатом. И книги, и газеты ей нужно было отнести во вторую полеводческую, где их уже давно ждут. А как нести в такую погоду?

Собственно, как нести — это Женя знала. Но как перейти Сухие овраги? Женя чуть нахмурила узенькие, почти незаметные брови, отчего ее лицо сделалось еще более детским и беспомощным.

Женя закрыла глаза. И тотчас же ей представилось, как по дну оврага с диким ревом несутся потоки мутной дождевой воды. В прошлом году в такую же непогоду в овраг забрел теленок

кузнеца Домакова, Гришиного отца. Через несколько дней теленка нашли мертвым в нескольких километрах от деревни.

А книги и газеты нужно все же доставить в бригаду. Это ее обязанность. Пусть не такая уж серьезная и важная, как Гриши... Что ж, всему свое время. И пусть Гришка не смеется. На следующий год она вот поедет в ту же школу механизации сельского хозяйства, которую окончил он, и потом... потом и ее работа будет не менее важной, чем Гришина. А сейчас, конечно, нельзя сравнивать работу тракториста и книгоноши, но...

Однако, что «но» — Женя пока не знала и принялась чертить пальцем по мутному от дождя стеклу. Маленькое лицо ее стало особенно грустным. При вспышках молнии ее светлые волосы, которых не хватало даже на две тоненьких, совсем светлых косички, едва заметно отсвечивали в полумраке комнаты.

«А Гришка какой-то странный, неразговорчивый, — опять подумала Женя, продолжая водить пальцем по стеклу. — Девчонки говорят, что они таких не любят. Ну и пусть! А вот она, Женя, могла бы полюбить Гришу. Назло девчонкам. Только он не смотрит на нее. Ну что ж!.. Она вот закончит школу, будет работать, может быть, в той же бригаде, что и Гриша. Вот тогда

посмотрим... Хорошо, что организовали такие школы для подготовки механизаторов...»

Женя подошла к столу, достала из верхнего ящика книгу. Между листов был заложен вырезанный из газеты портрет Григория Домакова. Выражение лица у него на портрете было какое-то недовольное, даже сердитое, точно его силой поставили под фотоаппарат.

Он и в самом деле сердился тогда. Фотокорреспондент приехал в бригаду утром, когда все уже были в поле. Он заявил, что нужно сфотографировать тракториста Домакова в газету.

— Не хочу, — отрезал Григорий, когда Женя, запыхавшись, подбежала к трактору и сообщила ему об этом.

— Да ведь в газету, Гриша!

— Делать им нечего, вот и ездят тут... Работать мешают. А я в фотографию могу сходить, — так мрачно проговорил тракторист, что Женя вскипела:

— Ах, какой ты... не понимаешь ты ничего, даже вот столечко не понимаешь!

— Ну и ладно. Подумаешь! Мне план выполнять надо, некогда ездить до твоего фотографа.

Григорий говорил спокойно и с таким непонятным упорством, что Женин гнев мгновенно дошел до высшей точки.